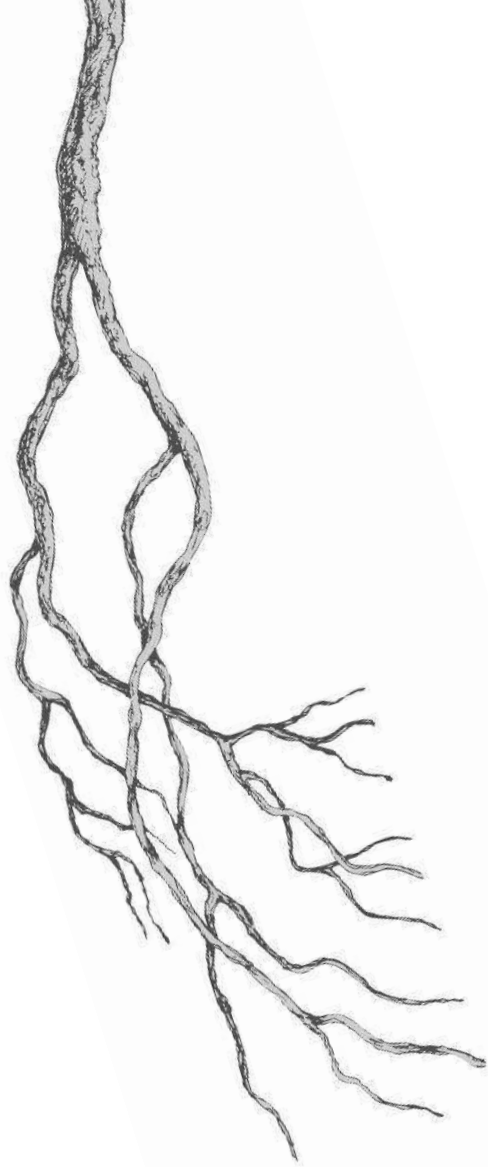

ПРОКЛЯТАЯ

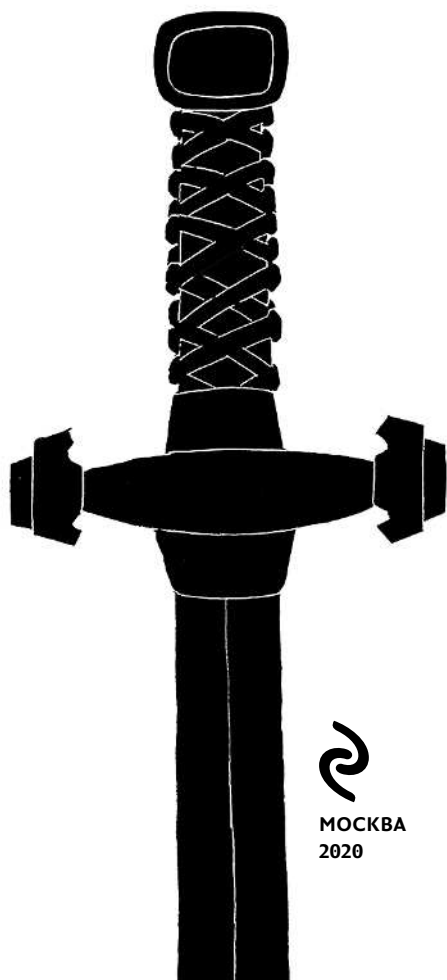
The word "ПРОКЛЯТАЯ" is written in a large, black, serif font. A dark, gnarled branch with several smaller twigs extends horizontally across the middle of the letters, partially obscuring them. The branch has a rough, textured appearance, suggesting a dead or weathered tree.

ФРЭНК МИЛЛЕР

ТОМ УИЛЕР

ПРОКЛЯТАЯ

МОСКВА
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М60

Frank Miller & Thomas Wheeler
CURSED

Illustrations copyright © 2019 by Frank Miller
Text copyright © 2019 by Thomas Wheeler
NETFLIX is a registered trademark of Netflix, Inc. and its affiliates.
Artwork used with permission from Netflix, Inc.

Миллер, Фрэнк.
М60 Проклятая / Фрэнк Миллер, Том Уилер ; [перевод с английского Д. Воронковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. : ил.

ISBN 978-5-04-115760-9

Нимуэ растет изгоем. Связь с темной магией пугает всех, кто видит девочку.

Проходит время — и в мирную деревню вторгаются Красные Паладины, безжалостно предав ее огню и мечу.

Мать завещает Нимуэ найти волшебника Мерлина. Мечтая о мести, девушка знакомится с наемником Артуром. Участвует в восстании против Красных Паладинов и короля Утера.

Теперь Нимуэ должна объединить свой народ и узнать правду о собственной судьбе.

«Проклятая» — уникальная интерпретация легенды о короле Артуре от всемирно известного иллюстратора, автора графических романов и комиксов Фрэнка Миллера и талантливого голливудского сценариста Тома Уилера.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-115760-9

© Воронкова Д., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается
Марджори Бригэм Миллер
Ф. М.*

*Люси и Амелии, двум самым
удивительным приключениям в моей жизни.
Желаю, чтобы в собственных историях
меч всегда был у вас.
Т. У.*

*...Зато в священных гимнах различила
Я голос, как вода журчащий, ибо
Волшебница живет в пучине вод.
Какой бы шторм ни бушевал над миром,
В глубинах все спокойно. И когда
Волнуется поверхность вод, по ней
Пройти умеет Дева, как Господь.*

(Альфред Теннисон,
«Королевские идиллии»,
пер. В. Лунина)

*— Ну что ж, — сказал Мерлин. —
Я-то знаю, кого ты ищешь, —
ты ищешь Мерлина;
и потому не ищи более,
ибо это я.*

(Томас Мэлори,
«Смерть Артура»,
пер. И. Берштейн)

Нимуэ пряталась в стоге соломы, и с этого ракурса отец Карден походил на дух света. Было что-то в том, как он стоял (спиной к закатному солнцу, облака струятся над воздетыми ладонями, сокрытыми рукавами с драпировкой), что создавало впечатление, будто стоит он на небе. Неровный голос заглушал бляение коз, треск горящего дерева, крики детей и материнский плач.

— Бог есть любовь! Любовь, что очищает, освящает, объединяет нас! — Взгляд Кардена скользнул по жалкой воющей толпе, распростертой в грязи, окруженной монахами в красных одеждах.

— И Бог смотрит на нас, — продолжал Карден, — и сегодня Он улыбается, ибо мы исполнили Его работу. Мы омыли себя в Его любви и выжгли гнилую плоть.

Клубы дыма, вьющиеся возле его рук и ног, перемежались с хлопьями красного пепла. Из рта отца Кардена брызгала слюна.

— Мы вскрыли демонический нарыв! Изгнали черное семя прочь с этой земли! И сам Господь благосклонно улыбается нам!

Карден опустил руки, и его рукава упали, точно занавес, открывая взгляду адскую картину из тринадцати крестов,

горящих в поле позади. Распятых было сложно разглядеть в густом черном дыму.

Бьетта, крепкая женщина, мать четверых детей, поднялась и, словно раненый медведь, поползла на коленях в направлении Кардена. Один из монахов в красном выступил вперед и, поставив ботинок промеж ее лопаток, ткнул Бьетту лицом в грязь, где она и осталась, испуская стоны, обращенные к земле.

У Нимуэ в ушах стоял звон с того самого момента, как они с Пим, въезжая в деревню на Сумеречной Леди, увидели на тропе первый труп. Им показалось, это был Миккель, сын кожевника, что выращивал орхидеи для майских гуляний. Голова его была раздавлена чем-то тяжелым — а они даже не могли остановиться и проверить догадку, ибо вся деревня уже пылала огнем и повсюду виднелись паладины, чьи красные одеяния тоже казались языками пламени. Подюжины деревенских старейшин сгорело заживо на крестах, наспех воздвигнутых на холме. Нимуэ казалось, что крики Пим звучат где-то далеко, ее собственный разум словно выцвел. Куда бы ни упал взгляд, она всюду видела соседей, которых выволакивали из домов и втаптывали в грязь. Два паладина за руки и за волосы тащили старую Бетси через гусиный загон: птицы нервно били крыльями и беспрерывно гоготали, делая происходящее еще более нереальным.

Нимуэ с Пим быстро разделились, и она спряталась в соломенном стоге, затаив дыхание, когда мимо протопали монахи. Они принесли одеяла с конфискованными вещами к открытой повозке, где стоял Карден, и бросили к его ногам, рассыпав содержимое. Жрец взглянул вниз и удовлетворенно кивнул: все так, как он и ожидал. Корень тиса и корень ольхи, деревянные статуэтки древних богов, тотемы и животные кости.

— Бог видит все, друзья мои, и от него не скрыть эти колдовские инструменты. Бог исторгнет ядовитое семя прочь, а вы, защищая себе подобных, лишь продлеваете свои мучения, — отец Карден отряхнул пепел со своей серой туники. — Итак, мои Красные Паладины ждут признания. Прошу, ради вашего же блага, сознайтесь

открыто, ибо мои братья искусны в ремесле инквизиторов.

Монахи пошли через толпу, выбирая жертв для пыток. Нимуэ смотрела, как семьи и друзья цепляются друг за друга, стараясь избежать рук паладинов. Как кричат матери, когда из их рук вырывают детей.

Отец Карден не обращал на это ни малейшего внимания. Он сошел с повозки и пересек грязную дорогу, подойдя к высокому широкоплечему монаху в сером. Капюшон наполовину скрывал худое лицо со странными родимыми пятнами вокруг глаз, которые казались чернильными следами, стекавшими по щекам. Нимуэ не могла расслышать ни слова из-за криков толпы, но ясно видела, как Карден положил руку на плечо монаху и зашептал что-то, заставив того склониться. Монах несколько раз кивнул. Карден указал на Железный Лес, монах кивнул снова и оседлал своего белого скакуна.

Нимуэ тоже обернулась к Железному Лесу и увидела десятилетнего Белку; он выглядел ошарашенным, по щеке стекала кровь, и он тащил за собой меч. Нимуэ выскочила из кучи соломы и бросилась к мальчику. Она слышала, как за спиной приближается лошадь серого монаха.

— Нимуэ! — Белка потянулся к девушке, и она дернула его, прижимая к стене хижины. Монах промчался мимо.

— Я не могу найти папу! — прокричал Белка.

— Белка, слушай меня! Ты должен найти дерево поблизости и спрятаться в дупле до самой ночи. Понимаешь?

Белка все пытался вырваться:

— Папа! — плакал он. Нимуэ встряхнула мальчика:

— Белка, беги сейчас же! Так быстро, как можешь, ты слышишь? — Нимуэ кричала ему прямо в лицо. — Будь храбрым! Ты должен бежать, как на наших лисьих бегах. Тебя ведь никто не может поймать?

— Никто, — прошептал Белка, собравшись с духом.

— Точно, ты же самый быстрый из нас, — Нимуэ подавила слезы, не желая отпускать его.

— Ты придешь? — умоляюще спросил Белка.

— Обязательно, — пообещала Нимуэ. — Но сначала я должна найти Пим, маму и твоего отца.

— Я видел твою маму возле храма... — Белка запнулся. — Они гнались за ней.

От этих слов у Нимуэ по венам пробежал холодок. Она бросила взгляд на храм на вершине холма, а потом снова повернулась к Белке:

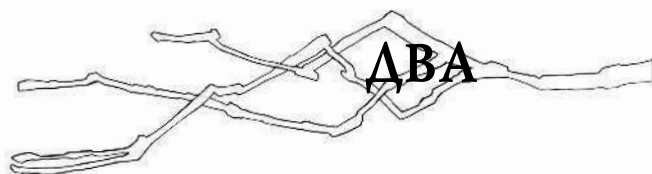
— Быстро, как лиса! — скомандовала она.

— Быстро, как лиса, — послушно повторил Белка и внимательно посмотрел по сторонам. Ближайшие паладины были слишком заняты избиением сопротивлявшегося фермера, так что Белка рванул вперед и, не оглядываясь, припустил через пастбища к Железному Лесу.

Нимуэ побежала к храму, поскользнулась и упала на дороге, превратившейся в грязь от лошадиных копыт и крови. Когда она поднялась на ноги, из горящей хижины внезапно появился всадник. Нимуэ едва заметила промелькнувший железный шар, раскрученный на цепи. Она попыталась увернуться, но шар ударил в основание черепа с такой силой, что ее швырнуло на кучу дров. Мир распался на части, перед глазами полыхнули звезды, и Нимуэ ощутила, как по шее и спине потекло горячее. Растянувшись на земле среди дров, она увидела рядом длинный лук, сломанный пополам. Сломанный лук. Олененок. Совет. Хоксбридж.

Артур.

Казалось невыносимым, что минул всего один день. И ее, находящуюся на грани сознания, заставляла задыхаться от ужаса одна лишь мысль: все это ее вина.

-Но почему ты должна уезжать? — спросил Белка, перелезая через покрытую мхом руку разбитой статуи.

— Это же не прямо сейчас, — сказала Нимуэ, разглядывая ветви пурпурного куста, растущего меж корней древнего ясеня. Она пыталась придумать, как бы перевести тему, но Белка не отставал:

— Почему ты хочешь уехать?

Нимуэ колебалась. Как могла она сказать ему правду? Правда навредит, собьет с толку, приведет к новым вопросам. Она хотела уехать, потому что ее не желали видеть в собственной деревне. Боялись. Осуждали. Перешептывались за ее спиной. Указывали пальцем. Деревенским детям запрещали играть с ней из-за шрамов на спине, из-за того, что ее бросил отец, из-за якобы висевшего над нею проклятия. Возможно, так оно и было. Ее связь с Сокрытым — именно этим словом пользовалась мать в отношении того, что Нимуэ считала одержимостью, — отдавала силой и тьмой и была иной, чем у любого другого из известных Небесных Народов. Она возникала неожиданно, проявлялась странно, порой жестоко: у Нимуэ случались видения, припадки, а временами земля прогибалась и дро-

жала или деревянные предметы рядом с ней сминались причудливым образом. Было ощущение тошноты, и после не лучше: она чувствовала себя потной, полной стыда — и опустошенной. Нимуэ не выгоняли из деревни с ножами и палками только оттого, что ее мать была архидруидом.

Зачем же валить все это на голову бедного Белки? Его мать, Нелла, была словно сестра матери Нимуэ, а самой Нимуэ — как тетушка, так что она избавила Белку от бремени темных сплетен. Он считал Нимуэ нормальной, даже скучной (особенно когда они гуляли на природе), и ей это нравилось. Однако она всегда знала, что это не будет длиться вечно.

Нимуэ ощутила укол вины, взглянув на первозданные зеленые склоны Железного Леса, где все жужжало, щебетало и полнилось жизнью, где обитали таинственные лица Старых Богов. Эти лица пробивались сквозь лианы и землю, и Нимуэ давным-давно дала им прозвища: Большой Нос, Печальная Леди, Шрам-на-лысине. Уехать отсюда — как расстаться со старыми друзьями.

Однако, чтобы не смутить Белку, Нимуэ продолжила лгать:

— Не знаю, Белка. Неужели тебе никогда не хотелось увидеть что-то новое?

— Ты про Луннокрылых?

Нимуэ улыбнулась. Под сенью лесов глаза Белки непрерывно выискивали фейри из клана Лунного Крыла.

— Вроде того. Или океан, или Потерянные Города, что принадлежали Богам Солнца. Или Плавучие Храмы.

— Это все сказки, — сказал Белка.

— Как узнать, если не попытаться их отыскать?

Вместо ответа Белка упер руки в бока.

— Ты уедешь и не вернешься? Как Гавейн?

Улыбка осветила лицо Нимуэ от одного только имени. Она вспомнила, как семилетней девочкой обнимала Гавейна за шею, когда он нес ее на спине через этот самый лес. В четырнадцать он знал секреты каждого цветка, листа и дерева Железного Леса, знал все о лекарствах и о ядах, знал, какие листья нужно заварить чаем, чтобы снизошло

видение, а какие — для сердечного приворота, умел распознать кору, которую нужно пожевать, чтобы начались роды, и мог предсказывать погоду по птичьим гнездам. Она помнила, как сидела у него на коленях, а его длинные руки обвивали ее, словно Гавейн был ей старшим братом. Подле них пищали птенцы коршуна, и Гавейн рассказывал, как узнавать лесные секреты по узорам на скорлупках разбитых яиц.

Он никогда не судил Нимуэ по ее шрамам. И улыбка у него была легкая и добрая.

— Может, он когда и вернется, — но Нимуэ скорее надеялась на это, чем всерьез верила своим же словам.

— Будешь искать его? — Белка ухмыльнулся.

— Что? Не смеди меня! — Нимуэ ущипнула мальчика.

— Ой!

— А теперь не отвлекайся, — потребовала она, преувеличенно сердито глядя на Белку, — потому что я устала подсказывать тебе.

Она указала на куст, прикрытый крапивой.

— Корень Оша, — Белка закатил глаза. — Защищает от темной магии.

— И?

Мальчик наморщил нос.

— Помогает при боли в горле?

— Хорошая попытка, — поддразнила Нимуэ. Она приподняла камень, освобождая маленькие белые цветы. Глубоко задумавшись, Белка принялся ковырять в носу.

— Кровяной корень, от злых чар. И от похмелья хорошо.

— Да что ты знаешь о похмелье! — Нимуэ ткнула Белку, и он, хихикая, перекувыркнулся назад, на мягкий мох. Она погналась следом, но догнать Белку никому было не под силу. Он поднырнул под опущенный подбородок Печальной Леди и запрыгнул на ветку, откуда открывался великолепный вид на пастбища и хижин Дьюденна.

Нимуэ присоединилась к нему, немного запыхавшись и наслаждаясь ветерком, развевавшим ее волосы.

— Я буду скучать по тебе, — просто сказал Белка, взяв ее за руку.

— Правда будешь? — Нимуэ испытующе взглянула на него, но затем притянула его вспотевшую голову к груди. — Я тоже.

— А твоя мама знает, что ты уезжаешь?

Нимуэ обдумывала ответ, как вдруг ощутила зов Сокрытого где-то на уровне желудка. Она напряглась. Чувство было отвратительное, словно вор влез в окно. В горле пересохло. Она подтолкнула Белку локтем и хрипло сказала:

— Урок окончен.

Для ушей Белки не было музыки приятнее.

— Ура! Никаких больше занятий!

Он стрелой метнулся к валунам и исчез, оставив Нимуэ наедине с тошнотворным ощущением в животе.

Небесный Народ не чурался Сокрытого — невидимых духов природы, от которых, если верить легендам, и произошел клан Нимуэ. Ритуалы Небесного Народа в самом деле обращались к Сокрытому по любым поводам, большим и малым. В то время как архидруид председательствовал на важнейших церемониях года и решал споры между старейшинами и семьями, Призывающий обращался к Сокрытому, дабы благословить урожай или призвать дождь, облегчить роды, направить духов к солнцу. И все же, как Нимуэ выяснила еще в детстве, эти призывы были скорее церемониальными. Сокрытое редко откликалось на них. Почти никогда. Даже Призывающий, ответственный за пресловутую связь, был вынужден искать ответы духов в расположении облаков или вкусе земли. Для большей части Небесного Народа Сокрытое пряталось в струйке, капле росы. Нимуэ же ощущала его как бурный речной поток.

Но сейчас все было иначе. Этот гул, что поселился у нее в животе, пульсировал, но под сенью Железного Леса царил тишина. Сердце Нимуэ колотилось в груди, но не от страха — от предвкушения. Что-то приближалось. Она ощущала это в шелесте листьев, стрекоте цикад, шуме ветра. Сквозь звуки Нимуэ начинала разбирать слова, напоминающие гул возбужденных голосов в переполненной комнате. И все это порождало в ней надежду на осмыс-

ленную связь, на ответы, почему она так отличается от других.

Нимуэ вдруг почудилось движение рядом, и, резко обернувшись, она увидела олененка, что стоял совсем рядом. Гул в животе усилился. Глубокими черными глазами олененок смотрел на Нимуэ, и глаза его были старше мертвого пня, на котором она сидела, старше самого солнечного света на щеках.

«Не бойся».

Она могла слышать голос внутри, но он принадлежал не ей.

«Смерть — это не конец».

Нимуэ не могла дышать, боялась даже двинуться. Ее накрыла оглушительная тишина, а перед глазами расстелилось всепоглощающее благоговение. Она боролась с желанием убежать или зажмуриться, как делала всегда, ожидая, пока пройдет волна видения. Но теперь Нимуэ более всего желала оставаться в сознании. Наконец-то, после стольких лет, Сокрытое заговорило с ней.

Солнце скрылось за тучей, под сенью леса потемнело и повеяло холодом. Невзирая на страх, Нимуэ выдержала взгляд олененка: все-таки она была дочерью архидруида и не собиралась отступать, столкнувшись с Сокрытым лицом к лицу. Она услышала собственный голос:

— Кто умрет?

И тут воздух рассек звон отпущенной тетивы и свист. В шею олененка вонзилась стрела. Связь мгновенно оборвалась, и стая черных дроздов вспорхнула из-за деревьев. Нимуэ обернулась, охваченная яростью, и увидела, как Жосс — один из близнецов, детей пастуха — победно потрясает кулаком. Она снова обернулась к олененку, оседавшему в землю, глаза которого стекленели.

— Что ты наделал?! — закричала она, когда Жосс пробрался на опушку сквозь ветви, намереваясь забрать добычу.

— А на что похоже? Добыл нам ужин, — Жосс подхватил тушу за задние лапы и взвалил на спину.

Нимуэ ощутила, как гнев выплескивается из нее толчками, как по щекам и шее ползут серебристые нити, — длин-